

Александр Блок

**Последние дни
императорской власти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Блок**
Последние дни императорской власти / Александр Блок – М.: Книга по Тре-
бованию, 2015. – 166 с.

ISBN 978-5-458-41485-2

ISBN 978-5-458-41485-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ.

I.

Болезнь государственного тела России.—Царь, императрица, Вырубова, Распутин.—Великие князья.—Двор.—Кружки: Бадмаев, Андроников и Манасевич-Мануйлов. — Правые. — Правительство; Совет Министров; Штурмер, Трепов и Голицын.—Отношение правительства к Думе.—Гр. Игнатьев и Покровский.—Беляев.—Н. Маклаков и Белецкий.—Протопопов.

На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции. Так понимали в то время положение все люди, обладавшие государственным смыслом; ни у кого не могло быть сомнения в необходимости операции; спорили только о том, какую степень потрясения, по необходимости сопряженного с нею, может вынести расслабленное тело. По мнению одних, государство должно было и во время операции продолжать исполнять то дело, которое главным образом и ускорило рост болезни: именно, вести внешнюю войну; по мнению других, от этого дела оно могло отказаться.

Как бы то ни было, операция, первый период которой прошел сравнительно безболезненно, совершилась. Она застигла врасплох представителей обоих

мнений и протекала в формах, неожиданных для представителей разных слоев русского общества.

Главный толчок к развитию болезни дала война; она уже третий год расшатывала государственный организм, обнаруживая всю его ветхость и лишая его последних творческих сил. Осенний призыв 1916 года захватил тринадцатый миллион землепашцев, ремесленников и всех прочих техников своего дела; непосредственным следствием этого был—паралич главных артерий, питающих страну; для борьбы с наступившим кризисом неразрывно связанных между собою продовольствия и транспорта требовались исключительные люди и исключительные способности; между тем, власть, раздираемая различными влияниями и лишенная воли, сама пришла к бездействию; в ней, по словам одного из ее представителей, не было уже ни одного „боевого атома“, и весь „дух борьбы“ выражался лишь в том, чтобы „ставить заслоны“.

Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задержанный и осторожный на словах, был уже „сам себе не хозяин“. Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь в руки тех, кого сам поставил у власти. Распутин говорил, что у него „внутри недостает“. Имея склонность к общественности, Николай II боялся ее, тая давнюю обиду на Думу. Став верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть, бывшая и без того „в плену у биржевых акул“, расплылась окончательно в руках Александры Федоровны и тех, кто стоял за нею.

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, в сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердым характером, была всецело под влиянием Распутина, который звал ее Екатериной II, этого „большого мистического настроения“ особого рода, которое, по словам Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отделило ее от внешнего мира. Самолюбивая женщина, „относившаяся к России, как к провинции мало культурной“ и совмещавшая с этим обожание Распутина, ставившего ее на поклоны; женщина, воспитанная в английском духе и молившаяся вместе с тем в „тайничках“ Феодоровского Собора, — действительно управляла Россией. „Едва ли можно сохранить самодержавие,—писал около нового года придворный историограф, генерал Дубенский,—слишком проявилась глубокая рознь русских интересов с интересами Александры Федоровны“.

В „мистический круг“ входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А. А. Вырубова, иногда судившая царя „своею простотою ума“, покорная Распутину, „фонограф его слов и внушений“ (слова Протопопова). Ей, по ее словам, „вся Россия присылала всякие записки“, которые она механически передавала по назначению.

„Связью власти с миром“ и „ценителем людей“ был Григорий Распутин; для одних—„мерзавец“, у которого была „контора для обделывания дел“; для других—„великий комедьянт“; для третьих—„удобная педаль немецкого шпионажа“; для четвертых—упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко, и который некогда

учился у магнетизера. О вреде Распутина напрасно говорили царю такие разнообразные люди как Родзянко, генерал Иванов, Кауфман-Туркестанский, Нилов, Орлов, Дрентельн, великие князья, Фредерикс. Мнения представителей власти, знавших этого безграмотного „старца“, которого Вырубова назвала „неаппетитным“, при всем их разнообразии, сходятся в одном: все они—нелестны; вместе с тем, однако, известно, что все они, больше или меньше, зависели от него; область влияния этого человека, каков бы он ни был, была громадна; жизнь его протекала в исключительной атмосфере истерического поклонения и непреходящей ненависти: на него молились, его искали уничтожить; недюжинность распутного мужика, убитого в спину на Юсуповской „вечеринке с граммофоном“, сказала, пожалуй, более всего в том, что пуля, его прикончившая, пошла в самое сердце царствующей династии.

Затворники Царского Села и „маленького домика“ Вырубовой, окрестившие друг друга и тех, кто приходил с ними в соприкосновение, такими же законспирированными кличками, какие были в употреблении в самых низах—в департаменте полиции,—были отделены от мира пропастью, которая, по воле Распутина, то суживалась, открывая доступ избранным влияниям, то расширялась, становясь совершенно непреходимой даже для родственников царя, отодвинутых тем же Распутиным на второй план; часть их перешла в оппозицию. „Теперь все Владимировичи и все Михайловичи в полном протесте против императрицы“, записывал в дневнике генерал Дубенский; они обращались к царю с письмами и запис-

ками; так, Георгий Михайлович в ноябре писал царю о ненависти к Штюмеру самых умеренных кругов в армии и об ответственном министерстве, как единственной мере для спасения России. Письмо Николая Михайловича уже было опубликовано. Обширное письмо вел. кн. Александра Михайловича к царю от 25 декабря 1916—4 февраля 1917 годов приводится в приложении (первом), в конце книги.

Милюков был в среде этих оппозиционно настроенных великих князей после убийства Распутина, в котором один из них был замешан, что особенно отшатнуло от них царя, написавшего в ответ на просьбу „смягчить участь“ Дмитрия Павловича известную фразу: „никому не дано право заниматься убийством“. Настроение в этой среде было двойственное: радовались тому, что очистилась атмосфера, но к возможности безболезненного исхода из положения относились безнадежно.

Гораздо ближе к царской семье стоял круг придворных. В этом кругу, где „атмосфера, по выражению Воейкова, была манекен“, кипела борьба мелких самолюбий и интриг. Десятка два людей, у каждого из которых были свои обязанности („я в шахматы играю, я двери открываю“), трепетали над тем, кто из них займет место министра двора после смерти старого, временами вовсе выживающего из ума „дорогого графа“ Фредерикса, к которому царь питал большую привязанность. Некоторые из этих людей, весьма занятых биржевыми делами и получивших от правительственных низов не очень лестный эпитет „придворной рвани“, были, по своему, „конституционно“ настроены; большинство питало ярую

ненависть к Распутину. Среди них выделялись—ближе всех стоявший к царской семье зять Фредерикса, Воейков, ловкий коммерсант и владелец Куваки,—и Нилов, старый „морской волк“, пьяница, которого любили за грубость; этот последний всех откровеннее говорил с царем о Распутине; получив отпор, как все остальные, он смирился и твердил одно: „Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре, все равно“.

Эта среда, как и среда правительственная, была ареной, на которой открывался широкий простор влияниям больших и малых кружков; оттуда летели записки, диктовались назначения, шла вся „большая политика“; наиболее видными кружками были кружки Бадмаева, кн. Андронникова и Манасевича-Мануйлова.

Бадмаев—умный и хитрый азиат, у которого в голове был политический хаос, а на языке шуточки, и который занимался, кроме тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами—дружил с Распутиным и с Курловым, некогда сыгравшим роль в убийстве Столыпина; при помощи Бадмаевского кружка получил пост министра внутренних дел Протопопов.

Князь Андронников, вертевшийся в придворных и правительственных кругах, подносявший иконы министрам, цветы и конфеты их женам, и знакомый с царскосельским камердинером, характеризует сам себя так: „человек, гражданин, всегда желавший принести как можно больше пользы“.

Манасевич-Мануйлов, ловкий и умный журналист, был сотрудником „Нового Времени“, газеты, много лет вдохновлявшей и пугавшей правительство.

Партия правых, сильно измельчавшая, также разбилась на кружки, которые действовали путем записок и личных влияний. Их оппозиция правительству принимала угрожающие размеры при попытках сократить субсидии, которыми они пользовались всегда, но размеры которых не были баснословны. Среди правых были, повидимому, и люди действительно бескорыстно преданные идее самодержавия. Для этих „последних могикан“, по выражению Н. Маклакова, было однако ясно, что они „стояли у могилы того, во что веровали“; в записке, составленной в кружке Римского-Корсакова и переданной царю кн. Голицыным в ноябре, и в записке Говорухи-Отрока с поправкой Маклакова, переданной царю в январе (читатель найдет обе в конце книги—прил. II и III), правые тщетно пытались убедить его взять более твердый курс, особенно, по отношению к Думе, и оставить подражание „походке пьяного—от стены к стене“. Не остановили крушения—ни выхода Маркова, ни письмо Маклакова (см. прил. IV), ни попытка усиления правого крыла Государственного Совета при содействии политически беспринципного Щегловитова, ни последние назначения, вроде назначения князя Голицына.

Если все описанные круги были проникнуты своеобразным мирозерцанием, которое хоть по временам давало возможность взглянуть в лицо жизни—то круги бюрократические, непосредственно к ним примыкающие и перед ними ответственные, давно были лишены какого бы то ни было мирозерцания. Все учащуюся смену лиц в этих кругах Пуришкевич называл „министерской чехардой“; но лица эти

не обновляли и не поддерживали власть, а только ускорляли ее падение. Правительство, которое давно не имело представления не только о народе, но и о „земской России и Думе“, возглавлялось „недружным, друг другу не доверяющим“ Советом Министров; это учреждение перестало жить со времен П. А. Столыпина, последнего крупного деятеля самодержавия; с тех пор, оно постепенно превращалось, а при Штюмере фактически превратилось, в старый Комитет Министров, стоящий вне политики и занимающийся „деловым“ регулированием общеимперской службы, которая, по словам людей живых и сколько-нибудь связанных со страной, давно стала „каторгой духа и мозга“. Совет Министров, говорит Протопопов, остался позади жизни и стал как бы тормазом народному импульсу“.

В сущности, уже замена на посту председателя Совета Министров опытного, но окончательно одряхлевшего бюрократа Горемыкина Штюмером, в котором царь, как оказалось впоследствии, видел „земского деятеля“, заставила многих призадуматься. Штюмер имел весьма величавый и хладнокровный вид и сам аттестовал свои руки, как „крепкие руки в бархатных перчатках“. На деле, он был только „футляром“, в котором скрывался хитрый обыватель, делавший все „под шумок“, с „канцелярскими уловками“; это была игрушка в руках Манасевича-Мануйлова, „старикашка на веревочке“, как выражался о нем однажды Распутин, которому случалось и прикрикнуть на беспамятного, одержимого старческим склерозом и торопившегося, как бы только сбыть с рук дело, премьера.

Ославленному Милюковым в Думе Штюмеру пришлось уступить место Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача—взять твердый курс в ту минуту, когда буря началась (в ноябре 1916 года); при Трепове считалось „хорошим тоном“ избегать применения 87 статьи; но все уловки только подливали масла в огонь, и недостаточно сильный, ничего не успевший изменить за 48 дней своего премьерства, Трепов пал, побежденный Протопоповым, которому удалось уловить его на предложении отступного Распутину (чтобы последний не мешался в государственные дела).

Последним премьером был князь Н. Д. Голицын, самые обстоятельства назначения которого показывают, до какой растерянности дошла власть. Стоявший вдали от дел и заведывавший с 1915 года только „Комитетом помощи русским военнопленным“, Голицын был вызван в Царское Село, будто бы императрицей. Его встретил царь, который поговорил о том, кого бы назначить премьером („Рухлов не знает французского языка, а на днях собирается конференция союзников“) и, наконец, сказал: „Я с вами хитрю, вызывал вас я, а не императрица, мой выбор пал на вас“. Голицын, „мечтавший только об отдыхе“, напрасно просился в отставку. Едва ли старый аристократ, брезгливо называвший народ „черню“ и не твердо знакомый с делопроизводством Совета Министров, мог справиться с претившими ему ставленниками Распутина—Протопоповым и Добровольским; Протопопова не могли осилить и более сильные, у него была особая звезда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено.

Характерно для той „большой политики“, которую делал Совет Министров и которая сводилась к изысканию средств отдалить неминуемый созыв Государственной Думы, заседание Совета Министров 3 января. Его деловая сторона изложена в следующей „памятной записке“, составленной И. Лодыженским:

„Совет Министров, в заседании 3 января 1917 года, обсуждал вопрос о времени предстоящего возобновления занятий законодательных учреждений, причем в среде Совета были заявлены различные мнения.

„Пять Членов (Покровский, Шуваев, Николаенко, Феодосьев и Ланговой) высказались, что в соответствии с Высочайшим Указом от 15 декабря 1916 года Государственная Дума должна быть созвана 12 января, но возможность созыва Думы должна быть подготовлена соответствующими мероприятиями.

„Председатель и 8 членов (Григорович, Риттих, Добровольский, Протопопов, Разумовский, Войновский-Кригер, Раев и Кульчицкий) находили, что при настоящем настроении думского большинства открытие Думы и появление в ней Правительства неизбежно вызовет нежелательные и недопустимые выступления, следствием коих должен бы явиться роспуск Думы и назначение новых выборов. Во избежание подобной крайней меры, Председатель и согласные с ним Члены Совета считали предпочтительным на некоторое время отсрочить созыв Думы, назначив срок созыва на 31 января.

„А. Д. Протопопов, к мнению которого присоединились Н. А. Добровольский, Н. К. Кульчицкий и Н. И. Раев, полагали продолжить срок настоящего перерыва занятий Думы до 14 февраля.